



ВОСКРЕСЕНИЕ МЕРТВЫХ

Воскресение мертвых

«Новая мысль»

2007

Воскресение мертвых / «Новая мысль», 2007

В книге на основании учения Священного Писания, Святого Предания, толкований святых отцов и учителей Церкви изложены обстоятельства, предшествующие всеобщему воскресению мертвых, и последующие за ним, описаны чудесные случаи воскресения мертвых из Священного Писания и произошедшие в более позднее время, и конечно, чудо воскресения Иисуса Христа и его значение в деле искупления человеческого рода, приведены рассуждения здравого разума о возможности воскресения тел, изображена последующая вечная загробная жизнь праведников в раю и участь грешников в геенне.

, 2007

© Новая мысль, 2007

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
«Тело будущее»	8
Представление древнего мира о воскресении тел	12
Доказательства возможности воскресения	18
Истина воскресения	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Воскресение мертвых

Составитель Алексей Фомин

ВОСКРЕСЕНИЕ МЕРТВЫХ

с изложением обстоятельств предшествующих всеобщему воскресению мертвых и последующих за ним, на основании учения Священного Писания, Святого Предания, толкований святых отцов и рассуждений здравого разума, с описанием случаев воскресения мертвых тел, изложенных в Священном Писании и совершившихся в более позднее время

Разрешено к печати Издательским Советом Русской Православной Церкви

Полное или частичное воспроизведение настоящего издания каким-либо способом, включая электронные, механические или магнитные носители, в т. ч. фотокопирование, допускается только с письменного разрешения ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ».

Все права на издание и название защищены.

Переиздание возможно только с письменного разрешения ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ».

Предисловие

Тайна воскресения мертвых велика и непостижима для нас. И именно неподвластность воскресения уму человеческому делает верование в него столь затруднительным для многих. Трудно представить, что не одна какая-нибудь часть рода человеческого воскреснет, но вообще все люди. Гораздо легче верить тому, что пророк Илья воскресил мертвого или же тому, что при жизни Своей Господь наш воскресил сына Наинской вдовы, дочь начальника синагоги и брата двух сестер – Лазаря; но тяжело для разума учение о воскресении всех людей, праведных и неправедных. Подумать только: многомиллионные страны кишат народом и почва земли буквально удобряется человеческими телами в продолжение целых тысячелетий, когда люди гибли, помимо естественной смерти и от других причин – в многочисленных войнах, от наводнений и пожаров, от голода и мора, на море и на суше, от человеческих рук и от звериных зубов – и все эти множества, без исключения восстанут из могил своих, – ни один из рожденных женою не будет почивать сном смерти навеки, то невольно возникает вопрос: «возможно ли это?»

Кроме того, вспомним, в каких страшных местах могут находиться человеческие тела!.. Многие погибли в коях на глубине сотен метров; многие смыты морскими проливами и занесены в глубокие пещеры древнего океана; многие погребены под горами, павшими от вулканических переворотов и замурованы в граните скал... И где только нет остатков от человека? Они везде!.. И в земле, по которой мы ступаем, и в траве, которую мы топчем, и в деревьях, которые мы срубаем, и в источниках воды, которую мы пьем, и в злаках полевых, которые мы едим, и в воздухе, которым мы дышим. Никто не может указать хоть на одно место на земном шаре, где не было бы праха сынов Адама, или сказать хоть об одном ветре, в котором не содержалось бы неуловимых частиц того, что некогда называлось человеком, и показать хоть одну волну, которая не могла бы назваться раствором из остатков человека. Но как бы то ни было, как бы разбросаны ни были отдельные части разобранных машин в великой мастерской вселенной, всемогущий Механик соберет их и составит вновь в первобытные машины, из которых некоторые получают не только что первобытный вид, но также обновленный позлащенный вид. «Он обновит уничтоженное тело наше так, что оно сообразно будет Его славному Телу».

А значит, в воскресении мертвых нельзя видеть ничего противного природе, ничего неестественного, хотя ни одна из сил, ныне действующих на наши тела, не способна произвести в нас такого действия, это возможно лишь для силы еще не проявившейся, для силы пребывающей во власти Бога.

Предстоящее всеобщее воскресение мертвых надо отличать от временных воскрешений усопших, которые совершали Христос и его ученики (воскрешения дочери Иаира, Лазаря, четыре дня лежавшего во гробе, и других). То было возвращением к жизни, после которой все-таки неизбежна смерть. Но всеобщее воскресение из мертвых будет вечным воскресением, в котором души людей навсегда соединятся с их нетленными телами. Тогда праведники восстанут преображенными и просветленными.

Славное учение о воскресении мертвых удаляет скорбь нашу о близких нам умерших верующих. Мы знаем, что тот телесный бранный состав, который мы кладем в гроб и засыпаем могильным прахом в темной обители смерти, при возвещении архангельской трубы, в светлое утро воскресения восстанет нетленным, в чудной, неувядающей красоте, дарованной Творцом для небесной славы. То, что сеем мы в немощи, восстанет в силе; сеем в уничтожении, восстанет в славе; сеем «тело душевное, восстанет тело духовное»... Вещественность тела нашего потеряет грубость свою и стремление свое к тлению и само тело наше из «душевного перейдет в духовное», т. е. будет повиноваться не низким желаниям животной души, но высшей воле свободного духа. На настоящей стадии земного существования нашего мы кругом обложены

немощью: часто чего желаем, того не можем совершить, – и это подтверждает изречение Господа нашего: «дух бодр, а плоть немощна»... В воскресшем же состоянии нашем такое разногласие между телом и духом исчезнет: тело будет так же бодро и свободно, как и дух, выполняя всякое желание его безусловно во всем. Ныне тело наше, по природе своей, подпадает под различные ограничения и неспособности, от которых чистый дух изъят... Например, оно может двигаться лишь при тех же условиях, при которых движутся и все прочие животные, с той лишь разницей, что оно не может двигаться так же быстро и легко, как многие из них. Тогда же оно получит способность, без всяких препятствий, по одному только внушению духа, с невероятной быстротой молнии переноситься чрез громадные надзвездные пространства в неизмеримой вселенной Божьей. Планеты будут служить ему лишь ступеньками лестницы, для восхождения к Престолу предвечного Отца. Это будет «тело духовное» – во всем покорное орудие духа, подобное славному Телу воскресшего Господа.

В сердце каждого религиозного человека живет уверенность увидаться снова со своими кровными родными, старыми друзьями, дорогими знакомыми и вообще добрыми ближними, – теми, которые, по неисповедимой воле Провидения, отошли в мир загробный. Приятна эта счастливая уверенность и дорога она для человека, как существа общественного. Утверждению этой уверенности и ее оживлению способствует Богооткровенное учение о воскресении мертвых.

Восстановить в памяти учение Иисуса Христа и апостолов о воскресении мертвых, провести его сквозь призму сознания может и должно быть достаточным оправданием настоящего издания.

Глава 1

Непостижимая тайна воскресения

«Тело будущее»

Есть одна дума в душе человеческой, которая залегла в ней глубже всех других дум – это мысль о своей смерти и смерти близких. «Смерть, – говорил один французский историк, – была первой тайной, представшей пред человеком; она поставила его на путь других тайн». Но, если по отношению ко всякой иной тайне допустим скептический вопрос: к чему тебе знать ее? Живи, не мудрствуя, и бери от жизни что можешь и хочешь взять; то перед лицом этой первой тайны такой совет неуместен.

– Живи, – учит философия земного благополучия.

– Но именно этого я и хочу, – отвечает душа. – Я хочу жизни, а получаю смерть.

– Не думай и о том, – продолжает тот же голос благоразумия.

– Хорошо, хорошо, я не буду думать о своей смерти, но вот еще при моей жизни умирает близкий мне человек: его смерть лишает меня лучшей радости жизни, неужели и на ней мне не нужно останавливаться?

– Да, старайся не думать и об этом.

Но для этого душе нужно перестать быть тем, что она есть – душой человеческой. Это, значит, сказать душе: умри, умри прежде смерти тела, чтобы дать возможность этому телу жить безмятежной, «естественной» жизнью, пока и ему не пробьет урочный час. Здесь безумие совета достигает своего апогея, и душа вырывается из когтей этой смерти, второй, а смерть первая и первая тайна снова становится перед ней неподвижным призраком. Вырваться из этого круга невозможно, и человек давно это понял. Как же он жил все эти долгие тысячелетия, чем жил, и что заслоняло от него этот призрак, мешавший ему жить?

Существует чудный рассказ у многих диких племен Африки и островов Великого Океана. Месяц посылает к человеку гонца (по одним версиям – зайца, по другим – хамелеона) и велит ему сказать человеку: как я (месяц) умираю и вновь возрождаюсь, так и ты (человек) умрешь и снова родишься. Но эта весть не дошла до места назначения, – хамелеон полз слишком медленно, а заяц исказил ее, передав: как умирает месяц, так умрет и человек и больше уже не воскреснет. Вместе с тем и сам месяц, пославший первое радостное известие, не захотел уже больше подтвердить его. Так человек и остался с дурным известием в руках и со смутной надеждой в сердце на новое, лучшее посольство.

Кажется, трудно в образной форме передать лучше те чувства, какими жила и в массе живет еще и ныне человеческая душа. Смерть и рождение проходят перед ней как звенья бесконечной цепи. «Ты вернулся», – говорят дикари при виде сына, родившегося по смерти отца, но мысль рано подсказывает, что этот потомок – не воскресший родитель, а другая, самостоятельная, личность, претендующая на личное же бессмертие. Бессмертие рода, как ни высоко стоит оно в культовом отношении, все же не способно утолить жажду бессмертия индивидуального, не приносит вести о том, что не умрет человек. Один лишь месяц сполна владеет этой тайной личного бессмертия. Его пепельная душа недолго парит без своего световидного тела, – проходит немного времени и он снова облекается в него, вновь и вновь воскресает для жизни, воскресает не в сыне, не в потомке, а в собственной обновленной плоти. Вот весть о личном воскресении, непрерывно струящаяся с небесной высоты, но по лицу земли она ползет холодным, обманчивым сиянием, точно ленивый хамелеон, на земных предметах она играет невер-

ными беглыми зайчиками, и не жизнь, а смерть глядит отовсюду впадинами черных, глубоких теней. Посланцы дурно передали завет месяца.

Но напрасно они со всех сторон кричат человеку: ты умрешь. Взором полным надежды смотрит он прямо в лицо пославшему, ловит лучи его прежде, чем они разбились о землю, и чувствует, что они несут ему иную весть, она не доходит до его сердца в ясном виде, она заглушена враждебным шумом, раздающимся вокруг, но он знает, что если этот шум смолкнет, голос истины скажет ему правду, он знает даже, что скажет ему этот голос.

Смерть, между тем, ясно торжествовала: проходили века и тысячелетия, люди рождались и умирали, но каждая новая могила не только не вливала в душу новые капли отчаяния, грозившие переполнить меру ее терпения и веры, напротив, чем дальше, тем все пышнее справлялись погребальные обряды, тем больше забот прилагалось к тому, чтобы обеспечить телу загробный покой. Тризны сменялись тризнами, дни поминовения включались в годовой круг праздников, ширились и украшались гробницы, искусство сохраняло для потомства черты дорогих покойников; уже в самом конце древнего периода и в самых скептически настроенных шумных центрах просвещения возникли знаменитые «collegia funeraticia», товарищества гробопателей, обеспечивавшие достойное погребение всем, даже самым бедным. Даже когда люди гибли массами, как, например, на войне. И тогда было святотатством оставить тела не погребенными, и мы помним историю с победителями при Аргенузских островах, которых соотечественники едва не казнили за то, что в пылу битвы оставили в море тела павших братьев. Земное благосостояние, обеспеченное победой, было оставшимся родным менее необходимо, чем загробный покой мертвых, неразлучный с покоем их тел. Эти тела тлели и распадались в прах еще на глазах живых, – люди пошли на помощь смерти и тлению, они стали сжигать тела или давали их на съедение птицам, но пепел и кости, собранные в урны, хранились так же заботливо, как и набальзамированные трупы. Если тело пропадало на чужбине, и его невозможно было достать, – родные на родной стороне хоронили призрак, ставили гробницы без праха и знали, что и это доставляло почившему вечный покой. Нужна была вечная память, она обеспечивала реальность за гробом, но для этого нужна была хотя бы крупица осязаемого, хотя бы одно имя, написанное или благоговейно передаваемое из рода в род. Это было семя, из которого вырастала вся посмертная жизнь души, эта крупинка праха облекала плотью эту душу. Но как же тонка должна была быть эта плоть! В самом деле, душа по смерти и была только тенью, и лишь пища приносимая на могилу, на время оживляла и оплотняла ее. Одиссей в преисподней нашел душу матери, но бледная тень сидит немая и в забвении. Голос прорицателя учит Одиссея, как пробудить ее:

«Легкое средство на это в немногих словах я открою:
Та из безжизненных теней, которой приблизиться к крови
Дашь ты, разумно с тобою начнет говорить; но безмолвно
Та от тебя удалится, которой ты к крови непустишь...
К крови приблизилась мать, напилась и сына узнала»¹.

Тайна неба теперь достигла земли: как я (месяц) умираю и вновь возрождаюсь, так и ты (человек) умрешь и вновь возродишься, воскреснешь в том же лице и в прежней плоти, только преображенной, облагодуханной, царственной, подобной световидному телу месяца.

Когда небо увидело, что многие сердца уже готовы принять весть о ценности и бессмертии тела, и только гордость перед этим телом мешает принять ее и остальным, оно оставило гордых бродить по распутьям и послало нового верного вестника к тем, кто готов был благоговейно приблизиться к плоти и праху, с чистым сердцем стать на утренней страже их воскре-

¹ Одиссея 11, 146–149, 153.

сения... Месяц и солнце приготовили эти сердца к принятию радостной вести, и теперь их поучала маленькая звезда.

«Увидев же звезду, они возрадовались радостью весьма великою. И, войдя в дом, увидели младенца с Марию Матерью Его и, падши, поклонились Ему, и открыв сокровища свои. Принесли Ему дары, золото, ладан и смирну», – дары, которыми и при жизни и по смерти украшались, цвели и благоухали царственные тела.

Но младенец этот был и великий избранник, он был отобран из четырнадцати тысяч новорожденных жизней: такого отбора никогда не видало и римское озеро. Египет укрыл его от смерти под сень своих гробниц и хранил его живое юное тело так же заботливо, как и своих тысячелетних мертвецов. Это тело было сосудом благодатных даров: оно чудотворило своим брением, дыханием, одеждой, его голос будил усопших, от него исходил ослепительный свет. Его лицо дышало любовью ко всем скорбящим и униженным, но, когда любовь униженных омывала Его ноги драгоценным миром, Он ставил эту трату мира выше других дел любви. Это было начало его погребения. Но сперва это тело еще долго страдало, было изъязвлено, лишено вида и величия. В те дни полный, воскресший месяц стоял над землей, весеннее солнце становилось все ярче, но и оно померкло в предчувствии славы грядущего воскресения. Смерть его была бессловесна, но его гроб был с богатыми, – чистая плащаница и сто литров смирны и алая, – это было только преддверием его погребения: по миновании субботнего покоя новые благоволения готовы были излиться на него... Оно могло долго оставаться нетленным и благоуханным, – оно стало таким навсегда. Напрасно в то памятное утро людская любовь искала его «между мертвыми» – там оставались лишь пелены и сударь. Само оно стояло пред учениками живое, как прежде, они осязали его кости и плоть, которых «дух не имеет», вкладывали персты свои в раны, которых боится гордая языческая красота; оно принимало пищу, его язык учил тайнам Царствия Божия, но все это – и кости и плоть – проходили сквозь запертые двери, исчезали и вновь появлялись и, наконец, поднялись на небо, чтобы тем же образом явиться снова в конце дней... Это было также новое, славное тело, и, свободное над пространством и временем, оно и вознесшись на небо не покидало земли. Земной хлеб и вино – пища и жизнь человеческого тела – силою Его победного Имени, становились истинной плотью и кровью Его и питая тела веривших Его воскресению, делали их причастными Его вечной славе... Это было тело Церкви, которого главой был Первенец из мертвых, а членами – сыны воскресения.

Кончилась борьба весен и зим: вечная весна цветет в сердце верующих в воскресение первое и чающих воскресения грядущего. Печатью этой веры и этой надежды запечатлена вся жизнь Церкви за все долгие века ее земного существования.

Эта весть о вечной весне достигает и до нас и достигает новым, дивным путем. В Риме, в том самом Риме, где некогда люди так строго отбирали тела, достойные жизни, теперь открываются другие тела, избранные для новой лучшей жизни. Из глубины катакомб, из подземных могил, куда много веков не заглядывал человеческий глаз, выходит на дневной свет наших будней вечно-праздничная Церковь апостольских дней. Изумленно смотрит на нее протестантство: религия чистого духа и непосредственного богообщения, считающая себя прямой наследницей апостольских заветов, она видит перед собою не протестантский приход, объединенный общностью веры в Распятого и чуждый всяких следов религиозного «материализма», – перед нею Церковь икон, мощей, святых, Церковь Божией Матери Заступницы, как называет Ее св. Ириней, царственной Оранты катакомб. Церковь пресущественного тела и крови, – Божественных членов («*coelestia membra*»), Церковь молитв за усопших, живая Церковь живых... Но взором дочери смотрит на нее соборная вселенская Церковь. Ведь она – плоть от плоти и кость от костей этой катакомбной апостольской Церкви, она только приподнялась над землей, из земли, когда кончились дни гонений. Как остроконечная травка из посеянных семян, пробурившая землю, поднялись ее купола и колокольни золотистой Божией пшеницей; теплым

ветром, волнуящим нивы, стелется по ней праздничный благовест, но корни ее неподвижно крепнут в земле...

Ее алтари стоят над мощами, лики святых глядят отовсюду, храм полон ладана, ликует в пенопениях... Водю крещения оmyвает Церковь своих чад, мажет тела их миром и елеем, благодатным таинством зовет их брачный союз, подводит их к святой чаше, питает истинным телом и истинною кровью Господа, – продолжает и на земле то же делание, которое некогда совершала в подземельях, над гробами мучеников, чему научилась у первого, благоуханного гроба, где лишь на недолгое время забылся сном смерти Начальник ее жизни и ее Глава.

Как Я умер и воскрес, так и ты, человек, умрешь и вновь возродишься, – этим новым заветом Солнца и правды живет ныне человек, некогда веривший месяцу.

(из книги Ф. Андреева «Тело будущее». Сергиев Посад, 1914)

Представление древнего мира о воскресении тел

История представляет нам человека везде и всегда в заботах, в беспокойстве о своем будущем. Человечество всегда задумывалось и над колыбелью дитяти и над гробом старца и всегда устремляло свой взор за пределы этого тесного пространства.

Везде ставился и ставится вопрос о будущем, везде слышался и слышится ответ на него; только ответ этот бывает различным в зависимости от степени развития мысли и образованности.

Из всех предметов, которые познает человек, нет ничего сокровеннее для его ума, как будущая жизнь; из всех вопросов о будущей жизни никакой не смущает человеческого разума настолько, как вопрос о воскресении тела.

Как же решал и решает человек этот трудный вопрос?

Вот что представляет нам на этот раз древний языческий мир.

В поэтических представлениях народной фантазии Греции мы видим мрачный взгляд на тело человеческое. Улисс – герой поэм Гомера, желает беседовать с умершими.

Своим мечом копает он ров и наполняет его жертвенною кровью. Повинуясь силе таинственного заклинания, приходят одни с другими бледные тени и, отведавши черной крови, начинают говорить. Между ними Улисс узнает свою мать.

«Увлеченный (говорит герой) сердцем, обнять захотел
Я отшедшую матери душу;
Три раза руки свои к ней, любовью стремимый, простер я,
Три раза между руками моими она проскользнула
Тенью или сонной мечтой, из меня вырывая стенанье».
И потом на вопрос Улисса тень отвечает:
«Милый мой сын, злополучнейший между людьми...
Такова уж судьбина всех мертвых, расставшихся с жизнью.
Крепкие жилы уже не связуют ни мышц, ни костей их;
Вдруг истребляет пронзительной силой огонь погребальный
Все, лишь горячая жизнь охладелые кости покинет:
Вовсе тогда, улетевши как сон, их душа исчезает».

В поэмах Гомера, в мысли древних греков есть будущее для человека; но это будущее состоит в том, что тело истребляется огнем, а душа, делаясь тенью, блуждает в вечном мраке. Впрочем, такой мрачный взгляд на будущее мало-помалу скрашивается греческим воображением, но и у самых лучших философов греческих мы находим самый мрачный взгляд на человеческое тело.

Так, например, Сократ, определяя, что такое смерть, согласно с общим убеждением, почитает ее лишь отрешением души от тела, на которое смотрит, как на преходящую оболочку души.

Показывая отличительные черты истинного философа, он говорит, что «достойный своего имени мудрец, стараясь понять истину, во всю свою жизнь более и более отрешается от тела, потому что тело своими чувствами закрывает от него истину и, требуя заботливости о себе, отвлекает его от понимания. Не это ли отрешение души от тела называется смертью?.. Занятие философа в том и состоит, чтобы отрешать душу от тела; поэтому ему понятно, что такое смерть».

Если перенесем мысль в обширные пространства Индии, Тибета, Китая, прислушаемся к голосу браминов, ученых буддистов и ученых китайцев, отсюда мы вынесем еще более

грустные впечатления. «Жизнь есть долгая ткань скорбей и бедствий, учили там; спасение состоит в том, чтобы не жить; глубокий, непробудный сон лучше всякого здешнего счастья. Самое лучшее желание – как можно скорее прекратить отправления человеческого тела, уничтожиться, заснуть, потерять чувство своих бедствий, лишившись самопознания».

Вопрос о воскресении тела – почти единственный вопрос, о котором ни думало и ни гадало человечество. Понятно, какое впечатление должна была произвести проповедь о воскресении тела на людей, никогда прежде не слышавших о нем. В Афинах, где раздавались речи Демосфена и Эсхила, среди возбуждавших удивление храмов и статуй ходит апостол Павел. По площадям и портикам он проповедует о Распятом, Который открыл Единого Истинного Бога, Который далеко превосходит идеалы Платона. Проповедь апостола слушают любознательные афиняне... Но лишь начал апостол проповедовать о воскресении мертвых, лишь сказал: «будет воскресение мертвых, праведных и неправедных», как слушавшие его философы тотчас же засмеялись над ним, считая его учение бесцельным, а некоторые пожелали слушать его учение о воскресении в другое время, т. е. сделали вежливый намек на прекращение проповеди о таком, как им казалось, нелепом учении.

Но что казалось нелепостью языческим мудрецам в данном случае, то составляло предмет веры Церкви Христовой с самого начала ее до настоящего времени.

В чем же состоит учение Церкви о воскресении тела?

Три главных вопроса выступают здесь на первом плане: возможно ли воскресение человеческого тела и, если возможно, то какая цель его?.. Если же есть и цель, и возможность воскресения, то в каком состоянии будут находиться наши тела по воскресении?

На эти вопросы ответим словами Писания.

Что воскресение тел возможно это очевидно, если взять во внимание всемогущество Божие.

Когда саддукеи отвергали воскресение мертвых, Иисус Христос прямо сказал им: вы презираете потому, что не знаете силы, т. е. всемогущества Божия (Мф. 22, 29). Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день (Ин. 6, 54). Кроме того, Иисус Христос сам делом показал возможность воскресения тел, когда действительно воскрешал мертвых еще в дни служения своего на земле, воскресил в минуты смерти своей телеса многих святых в Иерусалиме и, наконец, воскрес сам.

Развивая учение Спасителя, апостолы в основание возможности воскресения мертвых полагали тоже всемогущество Божие: «Бог воскресил Господа, воскресит и нас силою Своею» – учил апостол Павел (1 Кор. 6, 14).

Когда в первые времена христианства эта возможность для некоторых казалась странною и непонятной, отцы и учителя Церкви обращали внимание каждого на самые опыты всемогущества Божия в природе. Вот что говорит на этот счет Тертуллиан: «Все в природе возобновляется; все в ней тогда же начинается, когда окончилось, – и для того, и для того оканчивается, чтобы начаться. Ничто иначе не погибает, как только для жизни. Все, в мире так преобразующееся свидетельствует о воскресении мертвых. Бог открыл это еще прежде в сотворении, чем в письмах; прежде проповедал своим могуществом, чем гласом».

Он предпослал человеку наставницу природу, когда только еще намеревался послать пророков. Действительно, мы видим, что в природе все устроено Богом так, что смерть одной какой-нибудь твари с тем вместе служит началом жизни для другой, и большею частью – лучшей, совершеннейшей. Насколько совершеннее, например, многолистственное дерево в сравнении с тем зерном, по гниению которого оно получает начало своего бытия!

Какая же цель воскресения человеческого тела? Есть ли какая-то необходимость в этом воскресении?

После славной победы над смертью торжество Победителя смерти довершится правосудным воздаянием – «каждому по делам его» (Рим. 2, 6). Для правосудия Божия не воз-

можно погрешать в своих определениях. Но каким образом правосудный Судья произнесет свой последний приговор, когда одна душа без тела не есть еще полный человек? По учению Св. Писания, тело существенно необходимо человеку для полного существования: оно есть орудие духа. Если правосудие Божие должно воздать каждому за все, что было сделано им во время земной жизни, то оно должно воздать не одной только душе человека, но и телу, как соучастнику в действиях души. Нет нужды доказывать здесь, что тело действительно участвует в душевных действиях, – и участвует притом не как какое-то мертвое орудие в руках художника, а как нечто теснейшим образом соединенное с душою. Ясная для всякого эта истина приводит нас к тому заключению, что ни тело без души, ни душа без тела не составляют вполне развитой человеческой природы. Имея в виду, таким образом, с одной стороны правосудие Божие, с другой – свои действия и причину их, мы не можем не верить словам апостола: «ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить [соответственно тому], что он делал, живя в теле, доброе или худое» (2 Кор. 5, 10). Наш отечественный оратор Св. Димитрий Ростовский довольно характерно рассуждает о воскресении тела. Он представляет спор души с телом о том, душа или тело виноваты в совершенных на земле преступлениях. «Речет, – говорит он, – душа к телу: проклято ты окаянное тело, яко любосластием твоим греховным прельстило мя еси, и в беззакония лютая ввело мя еси. Речет тело к душе: проклята ты, окаянная душа моя, яко ты зле управляла мя еси, и разумом твоим от Бога тебе данным, аки браздами и уздою, от злых дел не воздержала мя еси: но во всем мне соизволяла еси: и аще когда возжелало я коего греха, ты соизволила и содействовала еси: и купно прогневали Создателя нашего Бога. Речет и еще душа: горе тебе, окаянное тело мое, яко озлобляло еси ближнего, грабило, похищало чуждая, крало и убивало. Тело же в ответ говорит: Горе тебе, окаянная душе моя, яко во всем том ты споспешествовала ми еси; во всем наставник и друг была ми еси, и ничто же без тебя творих еже творих. Так обои друг с другом препирающиеся, и одно другого укоряюще и кленуще, извлечены будут принять по делам своим осуждение».

Таким образом, душа и тело вместе должны понести заслуженное наказание. В самом деле, у нас много таких дел, которых ни душа без тела, ни тело без души сделать не может.

Учим ли мы других делать добро или зло, помогаем ли ближним или обижаем их, мы делаем это при помощи телесных органов. А если душа и тело действуют вместе, то вместе они должны быть и награждены и наказаны.

Вот как рассуждает об этом Афинагор, христианский философ II века: «Не может быть, – говорит он, – чтобы одна душа получила возмездие за то, что сделала вместе с телом; ибо она сама по себе не была бы причастна тем грехам, которые происходят от чувственных удовольствий. Также и одно тело не должно принять возмездие за все дела, потому что оно равно покорится силе законов природы, как и силе рассудка; но за всякое дело должен получить воздаяние весь человек, состоящий из души и тела. Если тела не воскреснут, то не будет оказано божественного правосудия ни телу, ни душе. Телу не будет оказано правосудия потому, что оно не получит ни малейшей части в наградах души за те труды, в перенесении которых весьма много участвовало; и душе не будет оказано правосудия, так как она одна понесет наказание за многие грехи, которых не совершила бы, если бы не была в соединении с телом».

Много можно найти подобных суждений и у других защитников христианства, и все они, согласно с учением Православной Церкви, утверждают, что в день Страшного Суда тело наше необходимо воскреснет, чтобы вместе с душою принять по делам достойные награды или наказания.

В каком состоянии будут находиться воскресшие тела; какого будут качества и те ли же самые, какие имеют люди на земле?

Что воскресшие тела по существу своему будут те же, какие соединены были с известными душами в продолжение настоящей жизни, это само собою вытекает из понятия о воскресении, которое, конечно, означает не образование или сотворение чего-либо нового, а вос-

становление и оживление того же самого, что умерло. Иисус Христос, показавший пример воскресения, воскрес в своем собственном теле (Ин. 20, 25–27); в Св. Писании говорится, что «все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия» (Ин. 5, 28) и, услышав, оживут; следовательно, воскреснут те тела, которые погребаются. Впрочем, будучи по существу те же самые, тела по свойствам своим будут весьма отличны от настоящих. Так они не будут иметь той грубости, какую имеют на земле. Воскресшие тела будут тонкие, световидные, по подобию воскресшего тела Иисусова, так как апостол Павел говорит, что мы «облечемся тогда в образ небесного человека» (1 Кор. 15, 49) т. е. Иисуса Христа.

Частные свойства воскресших тел апостол определяет так: «сеется (т. е. умирает) тело душевное, восстает тело духовное, сеется в тление, восстает в нетлении, сеется не в честь, восстает во славе, сеется в немощи, восстает в силе. Подобаает бо тленному сему облещися в нетление, и мертвенному сему облещися в бессмертие (1 Кор. 15, 42–44, 53); т. е. воскресшие тела наши будут приспособлены к тогдашнему состоянию нашего духа – и будут нетленны, неразрушимы и бессмертны.

Обратимся к тем возражениям, которые существовали и существуют против догмата о воскресении тел.

На 5-м Вселенском Соборе был осужден Ориген. Из актов Собора видно, что Ориген был осужден, между прочим, за неправославное учение о воскресении тел. Как же он учил?

Он думал, будто не воскреснет настоящее тело человека, в каком он живет и действует на земле, но душа его будет иметь в будущей жизни новое, эфирное тело. Какие же основания были у Оригена и его последователей для подобного учения?

Вот система учения оригенистов, если только их частные мысли, встречаемые в разных сочинениях, можно привести в какую-либо систему: «Тело не есть естественная принадлежность человеческой природы. Бог сотворил человека сначала бесплотным, а потом уже, когда человек пал, Бог облек его плотью, и связал его, как узами, в наказание.

Ризы кожаные, которые, по словам Бытописателя, даны были падшим прародителям, и означают собственно их тела. Если человек связан телом, как узами, то тело отягощает душу, омрачает ум и не дает видеть всего существующего в ясном свете. Только без тела душа может ясно сознавать существующее и оставаться безгрешною; таким образом, тело есть главная причина греха. Очевидно, тело не может пребывать среди мира бесплотного; для него необходим земной, чувственный мир, как для рыбы вода; а между тем в будущей жизни все чувственное и земное истребится.

Да и странно было бы думать, что воскреснет то тело, которое при жизни своей постоянно пребывает и убывает, так что у мужа, или старца, оно уже совсем не то, что было в младенческом их возрасте, а по смерти, разлагаясь на составные части, входит в состав других тел, из земли в растения, из растений в тела животных, и потом опять в плоть человеческую, – каким образом опять могут быть соединены разложившиеся части тела? Если и останется что-нибудь в будущей жизни от человеческого тела, то разве один только вид его, – тело духовное, т. е. та постоянная основа его, которая всегда пребывает одинаковою, при непрерывной изменяемости составных его частей, подобно тому, как мех, наполненный водою, сохраняет свою форму, хотя бы вода, в равной мере истекая и вливаясь, переменялась в нем». Вот суть учения оригенистов.

Первые положения его очевидно ложны. Никакого права мы не имеем думать, что человек сотворен бесплотным и нет никакого основания под кожаными ризами понимать тело человека. Последователи Оригена противоречат сами себе, когда, с одной стороны, считают тело причиной греха, а, с другой, утверждают, что человек облечен телом – кожаными ризами в наказание за грех. Если бы тело было причиной греха, то Адам, конечно, согрешил бы уже после того, как даны ему ризы кожаные. Далее, в будущей жизни, говорят, не может быть ничего телесного. Напротив, из Св. Писания нам известно, что мир видимый вовсе не погибнет, а будет только очищен огнем. Если апостол Павел говорит: «проходит образ мира сего» (1

Кор. 7, 31), то этим выражается только изменение мира на лучшее состояние, – «проходит», сказано «образ мира сего», а не самый мир. И люди по воскресении не изменятся в Ангелов, как думал Ориген, потому что в таком случае для Бога лучше было бы создать прямо Ангелов, а не людей. Если Христос и сказал: «в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах» (Мф. 22, 30), то сказал: «как Ангелы», а не прямо – Ангелы. А это две вещи разные.

Серьезное возражение последователей Оригена – каким образом может воскреснуть тело, в продолжение жизни несколько раз переменяющееся и по смерти входящее в состав других тел? Это возражение то же самое, какое делают в настоящее время материалисты. Вот положения материалистов: «в природе совершается непрерывное и никогда не нарушаемое движение атомов. Из почвы получает свою пищу растение, служащее в свою очередь пищею для человека или для животного, которое съедается человеком и таким образом преобразуется в человеческое тело. Очевидно, частицы материи земного шара беспрестанно переходят из одной формы в другую. Ныне живущие существа состоят из тех же составных частей, из каких состояли существа, жившие назад тому несколько тысяч лет».

При поверхностном рассмотрении этого факта, на ум приходит самая странная мысль. Если сказать, например, что полено, которое вы бросили в печку, заключает в себе, может быть, какую-нибудь частицу кедра из Соломонова дворца, или что такой-то современный человек в волосах своей бороды носит те же атомы, которые выделились из волос Ахилла; конечно, такие предположения покажутся недостойными внимания; однако ими, хотя и в странной форме, выражается неоспоримый результат науки.

Опираясь на то, что частицы материи переходят из одного организма в другой, материалисты спрашивают: что будут делать души в минуту воскресения, – как они станут отыскивать свою оболочку, которую они сбросили, когда одни и те же частицы преемственно принадлежали множеству душ?

Как ответить на это?

Для людей религиозных достаточные ответы можно найти у Тертуллиана и в особенности у Мефодия Патарского: «Пусть, – говорит Тертуллиан, – будут смешаны различные семена растений и сии различные семена растений будут находиться в одной горсти твоей: для тебя, человека, трудно ли, или, напротив, легко различить, что находится в твоей горсти, и семена каждого растения по свойству их отделить, и дать им свое место, чтобы росли? Так ты можешь различить и привести в прежнее состояние, что находится в руке твоей; а Бог ужели не может различить и привести в прежнее состояние, что содержится в горсти Его?»

«Если, – говорит Мефодий Патарский, – человек своим искусством может разделить слияние золота и серебра или других каких составов, то тем более Бог, создавший человека из ничего, своею непостижимой премудростью может отделить плоть человеческую от земли и не допустить ее разделиться по другим вещам».

Что разложившиеся части человеческого тела могут быть отделены от земли, Св. Мефодий доказывает явлениями природы, где естественным образом совершаются самые паразитические отделения одного вещества от другого. «Чистая и свежая вода речная, – говорит он, – несмотря на то, что в море смешивается с водою соленою, испаряясь, получает прежнее свое качество».

Материалисты, конечно, не обратят внимание на слова Тертуллиана и Мефодия Патарского. Поэтому им нужно ответить иначе.

Та наука, в которую они веруют, говорит не одно только, что разрушающееся тело уступает свои частицы другим организующимся формам, а вместе утверждает и то, что материальные частицы тела всецело возобновляются в продолжение жизни. Через 20 лет в теле человеческом нет уже ни одной из частиц, которые были прежде; однако тело свое мы считаем одним и тем же. Что же это значит, что тело всегда остается тождественным себе, несмотря

на постоянное возобновление всех его частиц? Наше тело есть то начало человеческой жизни, которое обладает силою владеть элементами материи, давать им форму и жизнь, совлекать их в известное время, чтобы отдать их в общее обращение, приняв в себя новые элементы. Это-то начало тесной связью связанное с душою, и есть единое и пребывающее тело. Вот чему учит наука, хотя еще прежде науки апостол Павел ясно высказал это, когда говорил о зерне, которое, умирая, дает жизнь растению, в котором однако уже нет ни одной из частиц самого семени. «Но скажет кто-нибудь: как воскреснут мертвые? и в каком теле придут? Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет. И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое; но Бог дает ему тело, как хочет, и каждому семени свое тело (1 Кор. 15, 35–38).

Остается еще упомянуть о том положении последователей Оригена, будто в будущей жизни, если и останется что-нибудь, то разве только вид тела. Мы никак не можем понять – каким образом возможно представить себе вид или образ тела отделенным от самого тела? Известно, что образ всякого тела погибает прежде, чем самое тело, например фигура разбитой статуи погибает прежде самого вещества. Вероятно, это и заставило последователей Оригена признать воскресшее тело духовным, только подобным действительному, но ведь это, значит, допускать не воскресение, а образование или творение нового тела, потому что подобное не то же самое.

(из книги архимандрита Модеста (Никитина Т. Н.)

«О воскресении тел человеческих». М., 1913)

Доказательства возможности воскресения

Ко всякому учению, являющемуся истинным, прирастает нечто ложное. Причиной этого является не какое-либо естественное начало, а нарочитое искажение истины. В этом можно убедиться на примере некоторых, занимавшихся в древности философскими исследованиями. Такие люди ни одной истины не оставили не оклеветанною: ни существа Божия, ни Его ведения, ни деятельности, ни всего того, что с этим связано и предписывает нам образ благочестия. Одни совершенно и решительно отвергают истину в этих предметах, другие извращают ее по своим воззрениям, а третьи стараются подвергнуть сомнению самое очевидное. Поэтому необходимо иметь два рода доказательств: одни (непрямые) – в защиту истины для неверующих или сомневающихся, а другие (прямые) в подтверждение истины для благомыслящих, охотно принимающих истину. Следовательно, желающие рассуждать об этих предметах должны соотносить и сами доказательства, и порядок их с конкретной ситуацией. Конечно, в отношении к естественной последовательности, доказательства прямые, подтверждающие истину, должны предшествовать доказательствам непрямым, защищающим истину; но что касается большей пользы тех или других доказательств, то наоборот, не прямые должны предшествовать доказательствам прямым. Так земледелец не может с пользой бросать в землю семена, если наперед не очистит ее от трав диких и вредных для бросаемых добрых семян. Так и говорящий истину не может убедить никого, пока какое-нибудь ложное мнение господствует в уме слушателей и противится словам его. Поэтому, для большей пользы, и мы иногда излагаем доказательства истины не прямые прежде тех, которые прямо подтверждают истину. Таким же образом поступить я нахожу бесполезным в рассуждении о воскресении. Потому что даже касательно этого предмета одни совершенно не веруют, другие сомневаются, и что всего безрассуднее, при этом они не имеют никакого повода к неверию, и никакой основательной причины, по которой они не веруют или колеблются.

Будем рассуждать так. Бесспорно, не всякое неверие не имеет под собой иного основания кроме предубеждения, но иногда происходит от осторожности в изыскании истины: оно имеет справедливое основание, когда сам предмет, которому не веруют, представляется невероятным; но не верить тому, что само по себе не является невероятным, свойственно людям, не имеющим здравого суждения относительно истины. Итак, неверующие или сомневающиеся касательно воскресения, должны или допустить происхождение людей без всякой причины, – а это весьма легко опровергнуть, – или, полагая причину существующего в Боге, смотреть на этот догмат как на начало, и из него доказывать, что воскресение не имеет никакой вероятности. А это они сделают, если будут в состоянии доказать, что Бог или не может или не хочет тела мертвые и их части опять соединить и собрать так, чтобы вышли те же самые люди. Если же они это не могут, то пусть отстанут от такого безбожного неверия и не кощунствуют над тем, над чем не должно. Ибо утверждают ли они, что Бог не может, или что Он не хочет этого, – в том и другом случае они говорят неправду, как видно будет из нижеследующего.

Невозможным для кого-нибудь является дело, если он или не знает, как его сделать, или не имеет достаточной силы хорошо исполнить то, что знает. Но Бог не может не знать природы имеющих воскреснуть тел, целых ли членов или их частей, не может не знать, куда поступает каждая частица по разрушении тел и какая из стихий приняла каждую частицу, разрушившуюся и соединившуюся со сродным себе. Ибо Тот, Который еще до сотворения знал природу будущих стихий, из которых должны произойти тела человеческие, – Тот, очевидно, и после разрушения целого тела не может не знать, куда поступила каждая из частиц, употребленных Им для полного образования каждого тела.

Само происхождение тел доказывает то, что могущества Божьего достаточно для их воскресения. Ибо если Бог в первоначальном творении создал не существовавшие тела челове-

ские и начала их, то Он и разрушившиеся воскресит с такою же легкостью, так для Него и это равно возможно. Творцу свойственно извлечь и присоединить опять к телам и то, что расхищено животными, питающимися телами, если оно поступило в одно животное, или во многие, или из них в другие, или вместе с ними разрушившись, разложилось, обратившись в первые начала. Это особенно смущает некоторых, даже из мудрых, которым почему-то кажутся сильными такие недоумения, представляемые толпою.

Обычно говорят, что тела погибших при кораблекрушениях делаются пищей рыб, многие тела умерших на войне или по какой-либо другой причине лишенные погребения пожираются животными. Когда таким образом тела истребятся и составляющие их части распределятся по многим животным, и соединятся с телами питающихся: то, говорят, невозможно их отделение. И кроме того, некоторые из животных, напивавшихся телами человеческими, годны в пищу людям. Они соединяются с телами потребивших их, тогда и части людей, съеденных животными, поступают в тела других людей. Далее говорят о случаях людоедства, об известной мидийской трапезе, о трагических вечерах Фиеста, и приводят другие подобные несчастные случаи, происходившие у эллинов и варваров. Этим доказывают, как они думают, невозможность воскресения, так как невозможно, чтобы одни и те же части воскресали вместе с теми и другими телами, – но или тела первых из них не могут составиться, когда части, из которых они состояли, перешли к другим людям, или, если эти части возвратятся к первым телам, тела последних будут неполными.

Но такие люди, мне кажется, не понимают могущества и премудрости Создателя, Который не всякому веществу предоставил входить в соединение или смешение со всяким телом, и не затрудняется в отделении того, что соединилось, и все допускает или изменяет по Своей воле и сообразно с Своей целью.

Тела человеческие не предназначены в пищу ни одному животному, им, по достоинству природы, определена могила только в земле. А противоестественное никогда не может поступить в пищу нуждающимся в ней членам, а не поступившее в пищу не может соединиться с тем, чего оно не питает, значит и тела людей никогда не могут соединиться с подобными им телами, для которых эта пища противоестественна, хотя нередко проходит через их чрево по какому-нибудь ужасному несчастию; не имея питательной силы и рассеявшись по тем частям вселенной, от которых получили первоначальное свое происхождение, вещества тел соединяются с телами поглотивших их на время; потом же они опять отделяются от них премудростью и силою Божьей. И соответственно природе соединятся при воскресении каждое со своим, даже если были они сожжены огнем, или сгнили в воде, даже если были поглощены зверями, даже если иной член, отторгнутый от целого тела, разложился прежде прочих членов. Соединившись опять друг с другом, они займут прежнее место, чтобы составить то же тело, и дать новую жизнь тому, что умерло и совершенно разрушилось.

Даже не хочется останавливаться на доводах прибегающих к делам человеческим, которые говорят, что люди не могут возобновить свои произведения, если они разобьются, повредятся или обветшают от времени, которые на примере горшечников или ваятелей стараются доказать, что и Бог не желает, а если бы и желал, то не может воскресить умершее и разрушившееся тело. Эти люди не понимают, что этим рассуждением они тяжким образом оскорбляют Бога, ставя на один уровень силы совершенно различных существ, считая искусственное наравне с естественным. Останавливаться на этом стыдно; безрассудно опровергать мысли поверхностные и пустые. Гораздо приличнее и всего справедливее сказать, что невозможное у людей возможно у Бога (Лк. 18, 27; Мф. 19, 26). Посредством этого весьма уместного соображения вместе со всеми вышеизложенными разум доказывает, что воскресение тел дело возможное, значит оно не невозможно для Бога.

Говорят еще, что воскресение тел не угодно воле Его. Не угодно Богу бывает не угодно Ему или как несправедливое или как недостойное. Несправедливость можно усматривать или

по отношению к самому смеющему воскреснуть, или по отношению к кому-нибудь другому. Но, очевидно, что воскресение не делает несправедливости никому из посторонних существ, которые считаются в числе существующих. Духовные существа не будут обижены воскресением людей, – ведь воскресение людей не послужит ни препятствием для их бытия, ни вредом, ни оскорблением. Так же не будут обижены ни бессловесные животные, ни бездушные твари; ибо эти и не будут существовать после воскресения; а в отношении к несуществующему невозможна несправедливость. Если даже кто допустит, что и они будут всегда существовать, то и тогда они не получают обиды от возобновления тел человеческих. Если бы даже они имели голос, то не стали бы обвинять Создателя, будто они несправедливо унижены пред людьми тем, что не удостоены одинакового с ними воскресения – ведь существам, у которых природа неодинакова, Справедливый не может дать и конец одинаковый. Кроме того, у кого нет никакого понятия о справедливости, у тех не бывает и жалобы на несправедливость. Так же нельзя сказать и о несправедливости по отношению к самому человеку воскрешаемому. Человек состоит из души и тела, и в воскресении нет несправедливости ни по отношению к душе, ни по отношению к телу. Никто рассудительный не скажет, что будет обижена душа; иначе он вместе с тем отвергнет и настоящую жизнь (если ныне, обитая в тленном и подверженном страданию теле, она не терпит от этого несправедливости, тем более для нее не будет обиды, когда станет обитать в теле нетленном и чуждом страдания). Да и тело, если ныне оно тленное, существуя вместе с нетленным, не терпит обиды, то очевидно, само сделавшись нетленным и существуя вместе с нетленным, этим не будет обижено.

Нельзя сказать и что воскресить и составить разрушившееся тело – дело, недостойное Бога. Потому что если было достойно Его создать тело худшее, тленное и подверженное страданию, то тем более не недостойно Его создать лучшее тело – нетленное и чуждое страдания.

Таким образом, я доказал посредством основных истин и вытекающих из них следствий каждый пункт нашего исследования, и стало ясным, что воскресение разрушившихся тел есть дело и возможное, и угодное, и достойное Создателя. Это же доказывает ложность противного мнения и неосновательность доводов людей неверующих. Не нужно ли сказать, что то, что Бог может сделать, Ему и желательно; и угодное Богу непременно возможно и сообразно с достоинством желающего?

Теперь же нужно доказать истинность учения о воскресении на основании причины, по которой произошел первый человек и потомки его, на основании общей природы всех людей и на основании будущего суда, который произведет над ними Создатель за все время жизни каждого из них и за всякие действия.

Доказательство на основании причины. Рассмотрим, случайно ли и напрасно сотворен человек, или для чего-нибудь; если для чего-нибудь, то для того ли он сотворен, чтобы ему жить и оставаться в своей природе, или для пользы кого-нибудь другого; если для пользы другого, то для пользы ли Самого Создателя или кого-нибудь из близких к Нему и удостоившихся большего попечения. Рассматривая это общим образом, мы находим, что всякий благоразумный и приступающий к какому-нибудь действию, если действует с намерением, то не делает напрасно ничего, но или для собственной пользы или для пользы кого-нибудь другого, о ком он заботится, или для самого дела, к которому он побуждается каким-либо естественным влечением.

Бог, конечно, сотворил человека не напрасно, – ибо Он премудр, а никакое дело премудрости не бывает напрасно, – и не для собственной пользы; ибо Он ни в чем не нуждается (Деян. 17, 24–25); Тому, Кто ни в чем не нуждается, ничто из созданного Им не может служить к собственной Его пользе. Также и не для кого-нибудь из созданных Им творений Он сотворил человека. Разум не находит какой-нибудь пользы, которая была бы причиной сотворения людей, ни для бессмертных существ, ни для бессловесных животных. Бессмертные существа не имеют ни в чем недостатка и не нуждаются для своего бытия ни в каком содействии людей, а животные

по природе своей подвластны людям, а не созданы для того, чтобы пользоваться людьми, ибо несправедливо употреблять начальствующее и управляющее на служение низшим, или разумное подчинять неразумному, неспособному к начальствованию. Итак, если человек сотворен не без причины и не напрасно, – ибо ничто из сотворенного Богом не напрасно, и не для пользы Самого Создателя или кого-нибудь другого из творений Божиих, то очевидно, что, если смотреть на первую и общую причину всех вещей, Бог сотворил человека ради себя самого, ради благости и премудрости, созерцаемой во всех созданиях. Если же рассматривать причину ближайшую к сотворенным людям, – для жизни самих сотворенных, и притом для жизни, которая не на краткое время возжигается, а потом совершенно угасает. Таковую жизнь, по моему мнению, Бог уделил животным; а тем, которые носят в себе образ Самого Творца, владеют умом и одарены разумным смыслом, Творец определил вечное существование, чтоб они, познавая своего Творца и Его силу и премудрость, и следуя закону и правде, пребывали во веки с тем, с чем проводили предшествующую жизнь, находясь в тленных земных телах. Существа, сотворенные для кого-нибудь другого, по справедливости перестают существовать, когда прекращают свое бытие те, для которых они сотворены, так как в творениях Божиих напрасное не имеет места. Но существа, сотворенные для самого бытия своего и жизни никак не могут подвергнуться совершенному уничтожению их бытия. Если причина их бытия всегда усматривается в самом их бытии, то всегда должно сохраняться созданное таким образом живое существо, делая и испытывая то, что ему свойственно, причем та и другая часть, из которых оно состоит, проявляется свойственным себе образом. Душа существует и пребывает с той природой, с какой она сотворена, и совершает свойственное себе, – а ей свойственно управлять телесными стремлениями и определять и измерять надлежащими признаками и мерами происходящее. Тело же стремится по природе своей к тому, что ему свойственно, и принимает назначенные ему изменения, а после всех прочих, относящихся к возрастам, к виду, к величине, – и само воскресение. Ибо воскресение есть самый последний вид изменения; это – изменение того, что еще останется в то время, на лучшее.

Мы любим и эту жизнь при всей ее скудости и тленности, как сообразную с настоящим состоянием нашим, и твердо надеемся на жизнь в нетлении. Ее мы не по человеческим выдумкам воображаем, обольщая себя ложными ожиданиями; мы веруем неложному ручательству, – намерению, с которым Бог создал человека из бессмертной души и тела, даровал ему ум и врожденный закон для соблюдения и сохранения того, что дано от Него и что потребно для разумной жизни. Мы хорошо знаем, что Он и не создал бы такое живое существо и не украсил бы его всем для всегдашней жизни, если бы не хотел, чтобы эта тварь всегда пребывала. Итак, если Творец создал человека для того, чтобы он, сделавшись созерцателем Его величия и сияющей во всем мудрости, всегда пребывал в таком созерцании, согласно с намерением Его и с природою, какую получил человек, то причина сего создания указывает на непрерывность его существования, а непрерывность – на воскресение, без которого человек не существовал бы всегда. Из сказанного очевидно, как причиной создания человека и намерением Творца ясно доказывается воскресение.

Если же такова причина, по которой человек введен в мир, то необходимо рассмотреть и то, что естественно следует за этим: природа сотворенных людей; за природою же сотворенных – праведный суд Творца и после всего этого – последняя цель их.

Природа человеческая равно утверждает веру в воскресение. Если вообще она состоит из бессмертной души и из тела, которое соединено с нею при сотворении, и душа и тело в человеке составляют одно живое существо, которое испытывает и свойственное душе и свойственное телу, действует и исполняет то, что относится к чувственному или умственному постижению. Поэтому совершенно необходимо, чтобы такой состав всецело направлялся к одному концу, – дабы все и во всех отношениях сходилось к одной гармонии и к общему согласию, – сотворение человека, природа человеческая, жизнь человеческая, действия и страдания, образ

жизни и сообразная с природой последняя судьба. Если же есть единство и гармония во всем этом живом существе, если есть согласие между действиями души и отправлениями тела, то должна быть одинакова и последняя цель всего этого. А последняя цель будет одна, если живое существо дойдет до этой цели в полном составе – имея все свои части. Это возможно только тогда, когда разрушившиеся части вновь соединятся вместе свойственным им образом. Это по необходимости ведет к воскресению умерших и разрушившихся тел. Если ум и рассудок даны людям для осознания не только сотворенных сущностей, но и благости, премудрости и правды Того, Кто даровал их, то необходимо сохранение способности суждения, если продолжают существовать предметы, для которых дан разум. Существо же, получившее ум и рассудок, есть человек, а не душа сама по себе; следовательно, человеку должно оставаться всегда и состоять из души и тела; а таким пребывать ему невозможно, если не воскреснет. Ибо если нет воскресения, то не останется природа человека как человека. Если же человеческая природа не остается существовать, то напрасно душа связана с немощами тела и его состояниями, напрасно и тело удерживается от достижения того, к чему стремится, будучи направлено и сдерживаемо уздой души; напрасно существует ум, напрасны рассудительность и добродетельность, напрасны законодательство и уставы, и вообще все то, что есть прекрасного в людях и для людей, и напрасно самое сотворение людей и их природа. Но во всех делах Божиих и исходящих от Него дарах нет ничего напрасного, а значит, необходимо, чтобы бессмертной душе соответствовало вечное пребывание и тела.

Жизнь, прекращаемую смертью и тлением, мы называем пребыванием – имея в виду, что это выражение имеет не один смысл, и не одна мера пребывания, так как не одна и природа пребывающих существ. Так как пребывание сообразно природе пребывающего, то не стоит искать человеческого пребывания у существ совершенно нетленных и бессмертных, и у людей нельзя искать такого неизменного пребывания. Те сотворены бессмертными от начала и нескончаемо пребывают по единой воле Творца; а люди по душе имеют от сотворения непрерывное существование, но по телу получают нетление после изменения. Таков смысл учения о воскресении. Имея его в виду, мы ожидаем и разрушения тела, следующего за жизнью немощной и тленной, и после него уповаем иметь пребывание в нетлении: таким образом мы не равняем нашу смерть со смертью животных, и пребывание людей с пребыванием бессмертных. Итак, не надо сокрушаться, усматривая некоторое неравенство в пребывании людей. И не должно отвергать воскресения оттого, что отделение души от тела и разложение его разрывает непрерывность жизни. Ибо во время сна, по-видимому, также прерывается жизнь, состоящая в сознательном ощущении, но мы не отказываемся называть такое состояние жизнью. Некоторые называют сон братом смерти, не потому, чтобы производили их от одних и тех же предков, а по сходности состояния умерших и спящих, по спокойствию и нечувствительности ко всему происходящему, и даже к собственной жизни. Итак, если мы жизнь людей, несмотря на то, что она подвержена таким изменениям от начала до разрушения, и терпит перерывы на время сна, не отказываемся, однако, называть тою же жизнью, – то мы не должны отвергать и жизни, следующей после разрушения, к которой приведет воскресение, – хотя она прерывается на некоторое время разлучением души и тела.

Потому что такова природа людей; с самого начала по мысли Творца она получила в удел – подвергаться изменениям и имеет пребывание прерываемое то сном, то смертью, то переменами в каждом возрасте, так как последующий возраст не обнаруживается ясно в предыдущем. У младенцев не замечается того, что обнаруживается у юношей, в юношеском возрасте – того, что свойственно мужам зрелым, а у последних – того, что бывает у стариков. Всем известно, что прежде всего должны быть брошены семена, потом, когда после образования и развития плод явится на свет, наступают младенчество, детство, юность, зрелость, после зрелости – упадок естественных сил – до старости, а потом разрушение одряхлевших тел. И так, хотя в семени не увидеть жизни человеческой, а жизнь не обнаруживает последующего разру-

шения на первоначальные стихии, но порядок естественных явлений внушает веру в то, что еще не подтверждено самими явлениями: и разум, исследуя истину в естественном порядке, удостоверяется в воскресении, имея надежнейшие и более сильные, чем опыт, основания к подтверждению истины.

Раскрыв сколько можно первые доводы (сотворение и природу людей), нужно доказать рассматриваемую нами истину и посредством последних: я говорю о предстоящей каждому человеку награде или наказании по праведному суду, и о цели человеческой жизни. Прежде рассмотрим мысль о суде. Скажу здесь, что признающие Бога творцом всего, должны также признать, что ничто ни на земле, ни на небе не изъято из управления и провидения Божия, но что попечение Творца простирается на все сокровенное и явное, малое и великое. Ибо все сотворенное имеет нужду в промысле Творца, и каждое существо в частности, относительно своей природы и назначения, для которого оно создано. Человек, о котором теперь речь, как слабый, имеет нужду в пище для поддержания жизни; как смертный – в потомстве для продолжения рода, как разумный – в правосудии для законного приобретения пищи и потомства. Если же все эти потребности свойственны человеку по его природе, то необходимо, чтобы, как пища и преемство рода относятся к обеим частям его существа, так и правосудие простиралось на всего человека состоящего из души и тела, – и чтобы весь человек подлежал суду за все свои дела, и получал за них награду или наказание. Если праведный суд полагает возмездие за действия обеим частям, и ни одна душа должна получить возмездие за то, что сделано ей вместе с телом (ведь она не сама по себе увлекается к грехам телесных удовольствий, пищи или других чувственных благ) и ни одно только тело (оно само по себе не способно рассуждать о законе и правосудии), а человек, состоящий из того и другого подлежит суду за каждое из своих действий. Между тем разум не находит этого воздаяния ни в настоящей жизни, ни после смерти. В настоящей жизни нет его по достоинству, так как многие безбожники, преданные всякому беззаконию и нечестию, не испытывают несчастий до самой смерти, и напротив, проводящие жизнь свою в добродетели, подвергаются скорбям, обидам, клеветам, мучениям и всяким бедствиям. После смерти нет его, потому что человек не состоит еще из обеих частей, пока душа отделилась от тела, а тело разложилось. Следствие очевидно для всякого: именно что надлежит по апостолу, «тленному сему» и рассыпавшемуся «облещись в нетление», чтобы, когда умершие оживут через воскресение, и опять соединится разделившееся или совершенно разрушившееся, каждый получил должное, за то, «что с телом соделал, благое или злое» (1 Кор. 15, 53; 2 Кор. 5, 10).

Не признающие Промысл пусть поразмыслят: навсегда ли оставлена без внимания жизнь и все поведение людей и распростерт на земле какой-то глубокий мрак, покрывающий неведением и забвением самих людей и дела их, или гораздо безопаснее полагать, что Творец управляет Своими творениями, надзирает над всем существующим и совершающимся, и есть судия дел и намерений? Если бы не было суда над человеческими деяниями, то люди не имели бы никакого преимущества перед животными, а были бы еще несчастнее их, так как они борются со страстями, заботятся о благочестии, правде и о прочих добродетелях; а жизнь скотская была бы самою лучшею, добродетель – нелепостью, угроза суда – смешною, наслаждение всякими удовольствиями – величайшим благом; и общим для всего учением и одним законом было бы любимое у невоздержных и сладострастных правило: «будем есть и пить, ибо утром умрем» (Ис. 22, 13; 1 Кор. 15, 32). Конец такой жизни – совершенное бесчувствие. Если же Творец людей имеет какое-нибудь попечение о своих творениях, и соблюдает различие между доброю и худою жизнью, то это последует или в настоящей жизни, когда еще живут люди добродетельные или злые, или после смерти, когда они подвергнутся разделению и разрушению. Но ни в том, ни в другом случае не может быть соблюден праведный суд. Ибо в настоящей жизни ни добрые не получают должного за добродетели, ни злые – за свое нечестие. Я уже не говорю о том, что, пока пребывает наша природа в том виде, в каком мы теперь существуем, эта

смертная природа не может понести наказание, которое равнялось бы весьма многим и весьма тяжким преступлениям. Так разбойник, правитель или тиран, умертвивший несправедливо бесчисленное множество людей, одну смерть своею не мог бы заплатить за них правосудию. Так нечестивец, который не имел ни одного истинного представления о Боге, предавался всякому глумлению и злохулению, презирал божественное, попирает законы, растлевал детей и женщин, несправедливо разорял города, сжигал дома вместе с живущими в них, опустошал области, истреблял множество людей, или даже целый народ: каким образом он в тленном теле получил бы наказание, соразмерное с этими злодеяниями, если смерть предвосхищает его от заслуженного наказания, и смертное естество его недостаточно для возмездия даже за какое-нибудь одно из преступлений его? Итак, ни в настоящей жизни не видно праведного суда, ни после смерти.

Смерть есть или совершенное прекращение жизни, так что душа вместе с телом разрушается и истлевает, или душа пребывает одна, неразложимая, неразрушимая, негибнущая, а разрушается только тело, не сохраняя никакого воспоминания о содеянном, и никакого ощущения того, что оно испытало под влиянием души. Ибо если совершенно угасает жизнь людей, тогда нет никакого попечения о людях уже не живущих, никакого суда над теми, которые жили добродетельно или нечестиво; а в таком случае совершаются все злодеяния беззаконной жизни, и множество гнусностей, связанных с такою жизнью, и главное из этих беззаконий – безбожие. Если же подвергается тлению одно тело, и каждая из разрушившихся частей его переходит к сродным стихиям, а душа, как нетленная, остается сама по себе, то и тогда суд над нею не будет иметь места, так как нет здесь правосудия. Но нелепо предполагать, будто от Бога или у Бога бывает какой-нибудь суд, в котором нет правды: а правды не бывает в суде, когда недостает того, кто совершил праведное или неправедное. Совершил же в жизни то, о чем производится суд, человек, а не одна душа. Кратко сказать, такой суд был бы несправедлив.

Если будут награждены добрые дела, то, очевидно, будет оказана несправедливость в отношении к телу, которое участвовало с душой в трудах при совершении добра, и не участвует в награде за добрые дела; и тогда как душа часто получает прощение некоторых согрешений ради немощи и нужд тела, само тело будет лишено награды за участие в добрых делах, в которых во время жизни и оно несло труды вместе с душой. И когда будут судимы согрешения, не будет соблюдено правосудие по отношению к душе, если она одна подвергнется наказанию за те грехи, которые она совершила подвигнутая телом и увлеченная его стремлениями или движениями. Или какая была бы справедливость, – подвергать суду одну душу за то, к чему она по своей природе не имеет ни вожеления, ни влечения или стремления, например, за роскошь, или насилие, или жадность, или несправедливость, и происходящие от них пороки? Если большая часть таких злодеяний бывает от того, что люди не сдерживают волнуемые их страсти, а страсти возникают от требования и нужд тела, от попечения о нем и угождения ему, – ибо ради этого всякое стяжание и наслаждение, так же супружество и все житейские дела, из которых одно считается предосудительным, а другое нет. Где же правосудие, если одна душа подвергнется суду за то, к чему тело первое чувствует стремление и увлекает душу к сочувствию и к общению в действиях для того, что ему потребно? Если же страсти принадлежат не одному телу, а и душе человека, что справедливо, так как единая жизнь его складывается из обоих, однако, не можем сказать, чтобы они принадлежали одной душе, если отдельно рассматриваем ее собственную природу. Ибо если она совершенно не нуждается ни в какой пище, то она никогда не может стремиться к тому, в чем она не имеет нужды для своего бытия, не может домогаться чего-нибудь такого, чем она вовсе не может пользоваться; она никогда не будет скорбеть о недостатке денег или стяжаний, как совершенно бесполезных для нее. Если она выше тления, то не страшится того, что могло бы причинить ей смерть; не страшится ни голода, ни болезни, ни увечья, ни огня, ни железа, потому что она не может потерпеть от этого никакого вреда или болезни, так как ее совершенно не касаются ни тела, ни силы телесные.

Если же страстные движения присваивать собственно душам – нелепо, то преступления, происходящие от них, и наказания за них возлагать на одни души – чрезвычайно несправедливо и недостойно суда Божия.

Каким образом представить себе мужество и твердость в одной только душе, когда она не боится ни смерти, ни ран, ни отсечения членов, ни ущерба, ни ударов, ни происходящих от них страданий, или несчастий? Каким образом представить в ней воздержание и целомудрие, когда она не влечется никаким желанием к пище, или совокуплению, или другим удовольствиям и наслаждениям, когда ничто другое ни изнутри не возбуждает ее, ни извне не подстрекает? Как представить в ней благоразумие, когда в ней нет естественного стремления к какой-либо внешней деятельности? Каким образом душам может быть свойственна справедливость в отношении друг к другу или к чему-нибудь, когда они не имеют, почему бы, чем бы и как бы воздать по заслугам или по закону равномерности за исключением почтения к Богу, когда они не имеют стремления, или побуждения к пользованию своим или к воздержанию от чужого: когда пользование тем, что сообразно с природою или воздержание от сего свойственно тем, которые так рождены, чтобы могли пользоваться; а душа ни в чем не имеет нужды, и не так устроена, чтобы пользоваться тем или другим, и поэтому в ней не может оказаться своекорыстия.

И нелепее всего то, что установленные законы относят к людям, а возмездие за законные и незаконные деяния обращают на одни души. Бог не душам заповедал воздерживаться от того, что нисколько не свойственно им, например прелюбодеяния, убийства, воровства, хищения, поношения родителей, и вообще всякого пожелания, причиняющего ближнему обиду и вред. Ибо заповедь: «чти отца твоего и мать» (Ис. 20, 12; Лк. 18, 20) не к душам только относится, потому что не души рожают душ, так чтобы им называться отцом или матерью, а люди людей. Так же и эту заповедь: «не прелюбодействуй» (Исх. 20, 13), несообразно было бы обратиться к душам, когда между ними нет различия полов, и в них нет ни способности, ни стремления к совокуплению. А если не может быть совокупления, то невозможно и законное совокупление, то есть брак; когда же не существует законное совокупление, то не может быть и незаконное совокупление, и вожделение, т. е. прелюбодеяние. И запрещение похищать или желать большего не относится к душам; ибо им нет нужды в том, что нуждающиеся, вследствие естественного недостатка или потребности, похищают или отнимают силою, например, золото или животное, пищу или одежду. Для природы бессмертной бесполезно все, что для нуждающихся составляет предмет стремления, как полезное.

После вышесказанного остается рассмотреть доказательство, основанное на цели человека. Здесь следует указать, что и для произведений природы и для произведений искусства должна быть свойственная каждому цель: в этом убеждает нас всеобщий смысл и свидетельство наглядного опыта. Разве мы не видим, что одну цель имеют земледельцы, другую – врачи, и еще, что иное назначение того, что родится из земли, и иное животных, которые питаются от нее и рождаются по некоторому естественному преемству? Если же это несомненно, и силы, как естественные, так и искусственные, а также их произведения, должны иметь свойственное им назначение, то совершенно необходимо, чтобы назначение людей, как особенных по своей природе существ, не имело ничего общего с другими. Ибо несправедливо назначать одну и ту же цель и для тех, которые не имеют разумного суждения, и для тех, которые действуют по врожденному закону и разуму, и способны к жизни разумной и к справедливости. Таким образом, беспечальность не может быть их целью, – ибо это было бы у них обще с существами, лишенными всякого чувства; не может также считаться целью и наслаждение тем, что питает и услаждает тело, и обилие удовольствий, – ибо тогда имела бы преимущество жизнь скотская, а жизнь добродетельная была бы бесцельна, – это я считаю назначением зверей и скотов, а не людей, одаренных бессмертною душой и разумным суждением.

Равным образом не может быть назначением человека блаженство души, отделенной от тела. Ибо мы рассматриваем жизнь и назначение не одной какой-либо из частей, из которых

состоит человек, но человека, состоящего из обеих. Цель же эта, по причинам неоднократно высказанным выше, не может быть указана для живущих людей ни в этой жизни, ни по отделении души от тела, потому что человек не есть уже человек, когда тело разрушилось или совершенно уничтожилось, хотя бы душа и продолжала существовать сама по себе. Если это так, то совершенно необходимо, чтобы назначение людей находилось в каком-либо ином состоянии этого двухчастного живого существа. А раз так, то непременно должно быть воскресение тел, умерших и совершенно разрушившихся, и вторичное существование тех же людей; ибо естественный закон определяет цель ни для человека вообще и ни кое-кого из людей, но для тех самых, которые провели эту жизнь, а они не могут опять существовать, как те же люди, если те же самые тела не будут возвращены тем же самым душам. Но это возможно только через воскресение. Когда это совершится, тогда будет достигнута цель, сообразная с природой людей. Никто не согрешил бы, если б сказал, что цель сознательной жизни и разумного суждения – в постоянном и непрерывном занятии тем, к чему больше и прежде всего приспособлен естественный разум – в созерцании Сущего и непрестанном услаждении Его заповедями, хотя многие из людей, слишком пристрастно и сильно предавшиеся земному, не достигают этой цели. Не изменяет общего жребия множество таких, которые уклоняются от предназначенной им цели: каждый подвергнется суду и каждому будет соразмерена награда или наказание за добрую или худую жизнь.

(Из трактата Афинагора Афинянина «О воскресении мертвых».

Ранние отцы Церкви. Антология. Брюссель: Жизнь с Богом, 1988)

Истина воскресения

Ни одна из истин нашего православно-христианского вероучения не подвергалась и не подвергается так часто сомнениям и отрицанию, как эта истина о воскресении наших тел.

Сомневаться в будущем воскресении мы тогда только имели бы право, если бы могли доказать, что Бог или не в силах, или не хочет совершить этого чуда. Но ни того, ни другого доказать никто не может.

Конечно, после смерти с телом нашим произойдет великая перемена. Оно превратится в перст и, в конце концов, от него ничего больше не останется, как один прах, который смешается с землею. Но отсюда отнюдь не следует, что Бог Всемогущий не может этот прах снова собрать и оживить. Если Он из ничего мог целый мир, а с ним и человеческое тело, вызвать к бытию, то почему Он не может рассеянный прах нашего тела снова собрать и облечь в форму человеческого организма и снова вдохнуть в него жизнь? Неужели может отсутствовать такая сила у Того, Который, по свидетельству истории, так часто совершал это на деле, Который действительно многих воскресил из мертвых? Не Он ли пробудил от вечного сна, по молитве слуги своего Илии, сына вдовы сарептской? Не Он ли возвратил к жизни того мертвеца, который брошен, был в гроб пророка Елисея² и ожил, как только коснулся костей этого пророка? Не Он ли душу дочери Иаира вызвал из загробной жизни³, и снова соединил ее с умершим было телом? Не Он ли обрадовал вдову Наинскую, о которой повествует Евангелие, воскрешением ее сына⁴, и сестер Лазаря воскрешением последнего в то время, когда он уже начал разлагаться? Не Им ли воскрешены Евтихий юноша⁵, Тавифа⁶ и другие? Не творит ли Он подобных чудес ежедневно в царстве природы? Взгляните на деревья, растения и плоды. Как всем нам известно, они все произрастают из одного семенного зерна. Но как произрастают? Сначала это зерно сеется в землю и там разлагается, умирает, и из этого умершего зерна развивается затем новое растение, новый плод. Если же Бог имеет силу производить из разложившегося семени столь чудные, разнообразные растения и плоды, то почему не может Он и из нашего умершего тела произвести прекрасное, и, как говорит апостол, бессмертное, нетленное тело?

Следовательно, у Бога никто не может отрицать силу пробудить наши тела; такое воскрешение вполне отвечает его мудрости и справедливости. В самом деле, не служит ли тело, так сказать, орудием, посредством которого душа осуществляет свои цели и намерения?

Что бы сделала она на земле доброго, если бы тело не являлось ее верным помощником и участником? Если хочет ли она заняться рассмотрением сотворенного, чтобы через это зажечь в себе огонь любви и благодарности ко всемогущему и всеблагому Творцу, то здесь ее орудием бывают глаза, которыми она воспринимает впечатления от этих поучительных предметов. Если желает сделать шаг вперед в учении о божественном домостроительстве и усовершенствоваться в познании истин христианского вероучения и нравственности, то этого достигает она не иначе, как посредством ушей, которые служат орудием для восприятия этих уроков. Если захочет защитить религию от нападающих на нее насмешников и клеветников, взять под свое покровительство задеваемую честь ближнего, вступить за угнетаемых со стороны сильных, наставить не ведущих или заблуждающихся, исправить порочных, то это она может делать и делает не иначе, как при посредстве языка. Собирается подать милостыню бедняку,

² 4 Цар. 13, 21.

³ Лк. 8, 49–56.

⁴ Лк. 7, 11–16.

⁵ Деян. 20, 9–12.

⁶ Деян. 9, 40.

оказать помощь больному, исполнить долг своей службы, защитить отечество – при этом ей необходимы бывают руки, которыми она оказывает человечеству эту полезную услугу.

С другой стороны, что делает душа здесь дурного, при чем тело не являлось бы ее деятельным помощником и сотрудником? Если воображение полно бывает нечистых, вредных мыслей и представлений, порождающих дурные, греховные пожелания, то все это ничто иное, как впечатления от тех предметов, которые она прежде или видела своими глазами, или слышала своими ушами. Если она обнаруживает вражду против Бога и Его Церкви, или из зависти и ненависти клеветает на ближнего, то не пользуется ли для этого главным образом языком? Если желает причинить убыток имуществу ближнего путем воровства, похищения, или если хочет отнять у ближнего самое дорогое его земное благо, жизнь его, то не употребляет ли для осуществления такого беззакония руки?

Можно ли после этого говорить о какой-нибудь несправедливости в том, что и тело наше, которое здесь на земле было постоянным соучастником души, которое помогало ей во всех добрых и дурных поступках, будет некогда воскрешено и примет свою часть в награде или наказании?..

Сказанное до сих пор слово должно убедить нас, что Бог силен снова воскресить наши тела, и что это воскрешение вполне отвечает Его мудрости и правосудию. Уже из этого мы в праве заключить, что Он действительно воскресит и нас. Но этому заключению мы находим подтверждение и во многих, недвусмысленных изречениях Священного Писания. Не дает ли нам Бог уже в Ветхом Завете несомненное удостоверение будущего воскресения? Не уверяет ли Он нас через пророка Исаию, что мертвые снова оживут? Не показывает ли Он пророку Иезекиилю в видении, как кости всех умерших из его народа собраны были вместе в свои тела и снова оживлены? Не говорит ли через пророка Даниила: многие из спящих в прахе земли пробудились, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление?

Еще более определенное уверение в нашем будущем воскресении находим мы в Новом Завете. Что говорит нам об этом прежде всего Спаситель, Который убедился в этом как через Свои бесчисленные чудеса воскрешения мертвых, так и через Свое собственное воскресение? Наступит время, говорит Он, в которое все находящиеся в гробах услышат глас Сына Божия, и, услышав, оживут. И изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло в воскресение осуждения. Далее: воля пославшего Меня Отца есть такова, чтобы из того, что Он Мне дал, – ничего не погубит, но все то воскресит в последний день (Ин. 6, 39). Я есмь воскресение и жизнь верующий в Меня, если и умрет, оживет (Ин. 11, 25).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.